1898 г. Годъ IX.

„Вопросы Философіи и Психологіи".

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Содержаніе послѣднихъ книгъ журнала.

Май-іюнь 1897 г. (№ 38).—Понятіе о Богѣ. Вл. С. Соловьева.—Способности и развитіе философствующаго ума. Г. Е. Струве.—Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи. А. Н. Гилярова.—Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза. Л. М. Лопатина.—Западное вліяніе въ Россіи XVII в. В. О. Ключевскаго.—Факты и теорія цвѣтного слуха. П. П. Соколова.—Біологическій механизмъ и матеріализмъ. Н. Д. Виноградова.—Теорія познанія Эрнста Маха. П. К. Энгельмейера.—По поводу книги Вл. С. Соловьева „Оправданіе добра" Г. Ф. Шершеневича.—Полемика.—Критика и библіографія.—Психологическое Общество.

Сентябрь-октябрь (№ 39).—Способности и развитіе философствующаго ума. Г. Е. Струве.—О началахъ этики. В. Н. Чичерина.—Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи. А. Н. Гилярова.—Западное вліяніе въ Россіи XVII в. В. О. Ключевскаго.—Понятія души и психической энергіи въ психологіи. Н. Я. Грота.—Соотношеніе общественныхъ силъ. Ф. В. Софронова.—Экономическій матеріализмъ и критическая философія. В. М. Чернова.—Полемика. Вл. С. Соловьевъ: Мнимая критика (Отвѣтъ Б. Н. Чичерину).—Критика и библіографія.—Психологическое Общество.

Ноябрь-декабрь (№ 40).—Филонъ и его предшественники. Кн. С. Н. Трубецкого.—Первое начало теоретической философіи. Вл. С. Соловьева.—О задачахъ философіи права. В. Э. Вальденберга.—Страхъ смерти. А. А. Токарскаго.—Что такое искусство? Гр. Л. Н. Толстого—Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу. В. В. Воробьева.—Новѣйшія сочиненія по атомистикѣ. А. Н. Гилярова.—Полемика: 1) Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. С. Соловьеву. В. Н. Чичерина; 2) Необходимыя замѣчанія на „нѣсколько словъ" Б. Н. Чичерина. Вл. С. Соловьева.—Критика и библіографія.—Психологическое Общество.

Январь—февраль 1898 г. (№ 41).—Что такое искусство? Гр. Л. Н. Толстого.—Филонъ и его предшественники. Кн. С. Н. Трубецкого.—Новыя вѣянія въ теоріи воспріятія. А. Н. Бернштейна.—Послѣдовательность мыслей у дѣтей. П. Ломброзо.—Полемика: Маленькое возраженіе Ф. В. Софронову. Н. И. Карѣева.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.—Психологическое Общество.

Мартъ—апрѣль (№ 42).—О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ.—В. И. Герье.—Позитивная біологія О. Конта и философія.—С. М. Лукьянова.—О прогрессѣ.—П. Г. Виноградова.—Судьбы философіи въ Россіи.—А. И. Введенскаго.—Послѣдовательность мыслей у дѣтей.—П. Ломброзо.—Полемика: Отвѣтъ проф. Карѣеву.—Ф. В. Софронова.—Критика и библіографія.—Психологическое Общество.

Май-іюнь. (№ 43).—Естественно-историческія воззрѣнія Бэна. И. Ф. Огнева.—Достовѣрность разума. Вл. С. Соловьева.—О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ. В. И. Герье.—Мессіанническій идеалъ евреевъ. Кн. С. Н. Трубецкого.—Безсознательная психическая дѣятельность. Н. Ѳ. Шаталова.—О логикѣ Платона. Г. Е. Струве.—Къ вопросу о самообразовательномъ движеніи. Вл. Н. Ивановскаго.—Извѣстія и замѣтки.—Психологическое Общество.

Сентябрь-октябрь. (№ 44).—Реальность и самосознаніе. В. Н. Чичерина.—О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ. В. И. Герье.—Красота и искусство. П. А. Каленова.—Религіозный идеалъ евреевъ. Кн. С. Н. Трубецкого.—Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи (П. Л. Лавровъ). Я. Н. Колубовскаго.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.—Психологическое Общество.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ
и
ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ IX.

Подъ редакціей **В. П. Преображенскаго**, при непосредственномъ содѣйствіи **Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкого** и при ближайшемъ участіи **В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, С. С. Корсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова.**

Книга V (45).

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1898 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Математика и научно-философское міросозерцаніе.— **Н. В. Бугаева** 697

Философія права. I. Введеніе.— **Б. Н. Чичерина** 718

Красота и искусство *(Окончаніе)*.— **П. А. Каленова** . . . 742

Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій.— **А. Я. Кожевникова** 761

Критика понятія прогресса.—**Н. Я. Грота** 780

О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ *(Окончаніе)*.—**В. И. Герье** 805

Психологія насѣкомыхъ.—**В. А. Вагнера** 365

Новый историко-философскій трудъ (С. С. Арнольди: Задачи пониманія исторіи).—**Н. И. Карѣева** 388

Критика и библіографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

А. Фаминцынъ. Современное естествознаніе и психологія.—**Н. Д. Виноградова.** 416

Karl Bücher. Arbeit und Rhythmus.—**В. Ѳ. Саводника** 423

(См. на слѣдующей стран.).

Стр.

II. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 429

III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Revue philosophique, 1898, №№ 1—4.—**Ю. И. Айхенвальда**. 439

Извѣстія и замѣтки 448

Психологическое Общество (Отчеты о засѣданіяхъ и преніяхъ по рефератамъ Н. В. Бугаева и П. А. Каленова). 450

Матеріалы для журнальной статистики 454

ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—41

Математика и научно-философское міросозерцаніе *).

Современное пониманіе міровыхъ явленій находится въ прямой связи съ наукой и философіей. Его обыкновенно называютъ научно-философскимъ міросозерцаніемъ.

Въ чемъ же заключается сущность и основныя черты этого міросозерцанія?

Отвѣтить на этотъ вопросъ нужно для правильной оцѣнки нѣкоторыхъ научныхъ, художественныхъ и соціальныхъ явленій, необходимо для лучшаго рѣшенія многихъ практическихъ и общественныхъ задачъ.

Я не имѣю притязаній отвѣтить на этотъ вопросъ во всей его полнотѣ и объемѣ. Я постараюсь только подойти къ его рѣшенію съ совершенно особой точки зрѣнія.

Научно-философское міросозерцаніе зависитъ отъ нашего пониманія явленій природы. Этому пониманію главнымъ образомъ помогаетъ наука. Наука же стремится въ своихъ выводахъ къ точности и опредѣленности.

Она не ограничивается одними общими соображеніями. Вслѣдъ за процессомъ первоначальныхъ обобщеній является въ ней вопросъ о мѣрѣ и числѣ, способномъ обрисовать явленіе при всѣхъ обстоятельствахъ. Вопросъ о числѣ и мѣрѣ придаетъ наукѣ ту положительность, къ которой она стремится въ послѣднее время. Это требованіе числа и

*) Рефератъ, прочитанный въ Психологическомъ Обществѣ 17 октября 1898 г.

мѣры является злобою дня не одной современной науки, но и современнаго искусства и современныхъ человѣческихъ отношеній. Найти мѣру въ области мысли, воли и чувства—вотъ задача современнаго философа, политика и художника. Эта положительность требованій новаго человѣка не только не ослабляетъ, а усиливаетъ идеальную сторону современной цивилизаціи. Изъ области неопредѣленныхъ, безмѣрныхъ инстинктовъ человѣкъ при помощи числа и мѣры стремится возвыситься до идеальнаго состоянія, которое давало ему бы полную власть надъ внѣшнею и внутреннею природою, вносило бы гармонію и эстетическое чувство въ каждое проявленіе человѣческаго духа.

Число и мѣра являются въ современной наукѣ самымъ могучимъ средствомъ для оцѣнки явленій природы. Эти требованія современнаго знанія ставятъ его въ непосредственную связь съ математикою, наукою о числѣ и мѣрѣ,—наукою, которую, по всей справедливости, называютъ матерью всѣхъ наукъ.

Какъ скоро какая-нибудь конкретная величина способна быть математическимъ количествомъ, на сцену тотчасъ появляется математика.

Вотъ почему математика въ ея научномъ развитіи, въ пріемахъ и методахъ ея разработки, имѣетъ существенное значеніе для современнаго человѣчества. Этимъ объясняется, почему наше время отличается такимъ развитіемъ математическихъ методовъ, почему многочисленный рядъ ученыхъ прилагаетъ всѣ силы для того, чтобы своими изслѣдованіями расширить ея орудія и средства. Въ этихъ орудіяхъ и средствахъ сказывается дедуктивная мощь человѣка. Въ нихъ вмѣстѣ съ собираніемъ и классификаціей фактовъ и усовершенствованіемъ методовъ изслѣдованія заключается главное условіе для успѣшнаго развитія нашихъ знаній о природѣ. Мы должны прежде всего въ чистой математикѣ искать отвѣтовъ на нѣкоторые вопросы о сущности и коренныхъ основахъ современнаго научно-философскаго міросозерцанія. Математика есть наука, изучающая сходства и

различія въ области явленій количественнаго измѣненія. Это самое общее ея опредѣленіе. Всѣ остальныя ея опредѣленія вытекаютъ изъ него, какъ его простыя слѣдствія. Идея количественнаго измѣненія и порядка, которому подчиняются эти измѣненія, суть основныя идеи математики. Измѣняющееся количество называется перемѣнною величиною. Перемѣнныя величины могутъ измѣняться независимо или въ зависимости отъ измѣненія другихъ величинъ. Согласно съ этимъ измѣненіемъ, онѣ называтся независимыми или зависимыми перемѣнными. Зависимыя перемѣнныя называются также функціями. Математика является такимъ образомъ теоріей функцій. Это второе опредѣленіе, вытекающее изъ перваго, какъ основного, можетъ также быть принято. Оно достаточно для объясненія многихъ фактовъ въ области явленій количественнаго измѣненія.

Измѣняться величины могутъ непрерывно или прерывно. Сообразно съ этими двумя способами измѣненія количествъ, функціи раздѣляются на непрерывныя и прерывныя, а сама чистая математика распадается на два громадныхъ отдѣла: теорію непрерывныхъ и теорію прерывныхъ функцій. Теорію непрерывныхъ функцій называютъ обыкновенно *математическимъ анализомъ*, а теорію прерывныхъ функцій—*аритмологіей*. Такое естественное подраздѣленіе чистой математики еще не проникло въ науку, не сдѣлалось достояніемъ всеобщаго научнаго убѣжденія. Отъ этого происходитъ цѣлый рядъ недоразумѣній въ классификаціи и въ пониманіи значенія многихъ отдѣловъ чистой математики. Эта неясность въ исходныхъ началахъ научной классификаціи неблагопріятно отражается и на самомъ характерѣ научно-философскаго міросозерцанія.

Теорія непрерывныхъ функцій или математическій анализъ заимствуетъ свои методы изъ послѣдовательнаго примѣненія идеи непрерывности къ изученію этихъ функцій. Эта идея, въ связи съ близко стоящимъ къ ней ученіемъ о предѣлахъ, составляетъ существенное содержаніе исчисленія безконечно-малыхъ.

Методъ безконечно-малыхъ или дифференціальное и интегральное исчисленія составляютъ одинъ изъ самыхъ могучихъ способовъ изученія аналитическихъ функцій. На почвѣ этого метода создалось, развилось и окончательно сложилось грандіозное зданіе математическаго анализа. Подъ его кровомъ ютятся многія прикладныя математическія науки. Основная задача математическаго анализа сводится къ тому, чтобы всякія функціи поставить въ связь съ цѣлыми, какъ простѣйшими и наиболѣе понятными намъ аналитическими функціями. Надъ рѣшеніемъ этой задачи трудилось много великихъ геометровъ. На ней проявилось удивительное остроуміе многихъ геніальныхъ математиковъ. Въ обработкѣ этой задачи современные ученые достигли высокой степени совершенства.

Рядомъ съ анализомъ воздвигается мало-по-малу другое грандіозное зданіе чистой математики—это теорія прерывныхъ функцій или *аритмологія*. Выдвинувшись подъ скромнымъ названіемъ теоріи чиселъ, она постепенно вступаетъ въ новую фазу своего развитія. Въ настоящее время все приводитъ къ мысли, что аритмологія не уступитъ анализу по обширности своего матеріала, по общности своихъ пріемовъ, по замѣчательной красотѣ своихъ результатовъ. Прерывность гораздо разнообразнѣе непрерывности. Можно даже сказать, что непрерывность есть прерывность, въ которой измѣненіе идетъ черезъ безконечно-малые и равные промежутки.

Разнообразіе формъ, подъ которыми является прерывность, ведетъ къ тому, что научные вопросы аритмологіи часто бываютъ сложнѣе и труднѣе соотвѣтствующихъ вопросовъ анализа.

Анализъ есть только первая ступень въ развитіи научныхъ математическихъ истинъ, простѣйшая форма, подъ которою онѣ появляются. Вотъ почему анализъ развился ранѣе, остановилъ прежде всего вниманіе математиковъ. Для развитія же аритмологіи не только нужны всѣ средства анализа, но еще и цѣлый рядъ совершенно новыхъ способовъ и пріемовъ изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи аритмологія есть настоящій арсеналъ математическихъ методовъ. Въ ней сосредоточивается и складывается самое разнообразное оружіе для математическихъ изысканій.

Между двумя отдѣлами—анализомъ и аритмологіей—существуетъ полное соотвѣтствіе. Почти каждому крупному отдѣлу анализа соотвѣтствуетъ свой особый отдѣлъ аритмологіи. Это сознаніе важности аритмологіи встрѣчается у самыхъ великихъ геометровъ, обнимавшихъ содержаніе нашей науки во всей ея полнотѣ и объемѣ. Ламе, знаменитый французскій ученый и инженеръ, прямо называетъ ученыхъ, относящихся безъ достаточнаго уваженія къ теоріи чиселъ, хулителями истиннаго знанія (détracteurs de la science pure); Гауссъ слѣдующимъ образомъ выражается по этому вопросу: Die Mathematik ist die Königin der Wissenschaft, aber die Arithmetik ist die Königin der Mathematik (Математика—царица наукъ, но аритмологія—царица математики).

Истины анализа отличаются общностью и универсальностью. Истины аритмоліи носятъ на себѣ печать своеобразной индивидуальности, привлекаютъ къ себѣ своею таинственностью и поразительною красотою.

Этимъ только объясняется, почему иные мыслители ставили въ связь съ цѣлыми числами различные вопросы мистической философіи. Своимъ изяществомъ истины аритмологіи пробуждаютъ въ ученомъ чувство научной красоты, удовлетворяющее его независимо отъ того, имѣютъ или не имѣютъ онѣ приложенія къ непосредственному объясненію явленій жизни и природы.

Кромѣ анализа и аритмологіи, въ область чистой математики входятъ геометрія и теорія вѣроятностей. Въ геометріи разсматриваемое количество есть *протяженіе*. Теорія вѣроятностей есть наука о случайныхъ явленіяхъ. Въ ней разсматриваемое количество есть вѣроятность появленія случайнаго событія.

Къ геометріи вполнѣ прилагаются методы анализа и аритмологіи. Въ этомъ смыслѣ она можетъ быть названа при-

кладною математическою наукою. Въ ней, однако, являются также и самостоятельные методы. Они вытекаютъ изъ того обстоятельства, что протяженіе подлежитъ нашему чувственному созерцанію. Это обстоятельство придаетъ геометрическимъ истинамъ, кромѣ логической доказательности, наглядность и созерцательную убѣдительность. Это сочетаніе логической доказательности и созерцательной убѣдительности сообщаетъ особую прелесть истинамъ геометріи. Въ теоріи вѣроятностей не встрѣчается самостоятельныхъ математическихъ методовъ. Анализъ, аритмологія, геометрія и теорія вѣроятностей даютъ всѣ элементы для выработки коренныхъ основъ научно-философскаго міросозерцанія.

Ихъ истины и методы вполнѣ прилагаются для объясненій явленій міра. Свойствами ихъ содержанія опредѣляется и сущность нашихъ воззрѣній на природу.

Весьма важно прослѣдить въ настоящее время вліяніе этихъ частей математики на научно-философское міросозерцаніе. Въ научныхъ объясненіяхъ явленій природы ученые болѣе всего пользовались геометріей и анализомъ. Геометрія по преимуществу была научнымъ орудіемъ древняго, а анализъ—новаго міра.

Такъ, періодъ древней астрономіи можно назвать *геометрическимъ*. Въ новомъ періодѣ астрономія сложилась подъ вліяніемъ механическихъ понятій. Математическимъ орудіемъ астрономіи былъ анализъ безконечно-малыхъ. Этотъ періодъ астрономіи можно назвать *аналитическимъ*. Дифференціальное и интегральное исчисленія двинули впередъ механику и астрономію; поэтому этотъ періодъ астрономіи можно также назвать *механическимъ*.

Подъ вліяніемъ анализа совершенно преобразовался нашъ взглядъ на устройство вселенной. При помощи анализа астрономія приняла вполнѣ научную форму, а раціональная механика сложилась въ стройное, законченное ученіе. Приложеніе анализа дѣлается часто необходимымъ и единственнымъ средствомъ поставить данную научную гипотезу на прочныхъ основаніяхъ опыта и наблюденія.

Вслѣдъ за механикой и небесной механикой, физика вступила въ такой періодъ развитія, въ которомъ она сдѣлалась математической наукой. Физическія науки пережили всѣ тѣ же фазы историческаго развитія, какія пережила астрономія. Въ нихъ за эпохою смутныхъ построеній послѣдовалъ періодъ, когда сказалась потребность въ наблюденіи и опытѣ. Въ этомъ періодѣ обыкновенно являются въ наукѣ первоначальныя обобщенія, распредѣляются явленія по родамъ и группамъ. При дальнѣйшемъ развитіи точнаго знанія эти наблюденія сопровождаются возможно точными числовыми показаніями. Изъ этихъ числовыхъ фактовъ слагаются первоначальные эмпирическіе числовые законы, которые потомъ должны вытекать какъ первоначальное слѣдствіе общихъ научныхъ положеній, выработанныхъ самымъ строгимъ индуктивнымъ процессомъ.

Законы сохраненія вещества и энергіи суть тѣ общія положенія, которыя выработали физика и химія. Въ настоящее время математическій анализъ находитъ въ физикѣ самыя разнообразныя и обширныя примѣненія. Математическая физика достигла высокой степени совершенства. Вообще, можно съ большою вѣроятностію утверждать, что развитіе физической науки опредѣляется объемомъ той области, въ которой примѣняется математическій анализъ. Въ процессѣ послѣдовательнаго развитія физическихъ наукъ мы невольно замѣчаемъ какъ бы постепенное восхожденіе ихъ по точности и совершенству. Только такимъ образомъ мы можемъ объяснить, почему химія стремится стать на чисто физическую, а физика на чисто механическую почву. Вотъ почему многіе полагаютъ, что въ будущемъ всѣ процессы внѣшней природы объяснятся изъ механическихъ законовъ равновѣсія и движенія и сдѣлаются предметомъ изысканій, сопровождаемыхъ въ своемъ дедуктивномъ ходѣ математическими операціями. Такимъ образомъ, наука о свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ величинъ является тѣмъ необходимымъ условіемъ, которымъ опредѣляется степень точности и строгости выводовъ физическихъ наукъ,—тѣмъ единствомъ,

которое связываетъ ихъ въ одно стройное цѣлое, тѣмъ могучимъ средствомъ и орудіемъ, къ которому они прибѣгаютъ въ интересахъ его развитія.

Обширное и многостороннее примѣненіе математическаго анализа къ изученію явленій природы придаетъ особый оттѣнокъ господствующему въ настоящее время научно-философскому міросозерцанію. Этотъ оттѣнокъ зависитъ отъ самаго характера математическаго анализа, отъ свойствъ тѣхъ непрерывныхъ функцій, при помощи которыхъ изучаются и формулируются законы природы. Въ свойствахъ этихъ функцій лежитъ главное объясненіе современныхъ взглядовъ на законы природы. Въ нихъ мы должны искать отвѣта на вопросъ о коренныхъ основахъ установившагося научно-философскаго міросозерцанія.

Для математическаго объясненія явленій природы примѣняются, главнымъ образомъ, непрерывныя, аналитическія функціи. Вотъ почему можно современное научное міросозерцаніе по всей справедливости назвать *аналитическимъ міросозерцаніемъ*.

Аналитическія функціи обладаютъ *непрерывностью*. Непрерывность даетъ намъ возможность изучать эти функціи во всѣхъ ихъ элементарныхъ проявленіяхъ. При изученіи явленій природы мы руководимся этимъ основнымъ свойствомъ аналитическихъ функцій. Мы допускаемъ, что явленія природы измѣняются непрерывно. Кромѣ того, мы имѣемъ въ виду при изученіи этихъ явленій понять ихъ во всѣхъ элементарныхъ ихъ обнаруженіяхъ. Наконецъ, мы желаемъ знать, какъ сложныя явленія природы образуются изъ явленій элементарныхъ. Дифференціальное и интегральное исчисленія представляютъ возможность не только дать математическое выраженіе этимъ вопросамъ, но и рѣшить точно эти вопросы, какъ скоро законъ явленія выраженъ аналитическою функціей. Аналитическія функціи, опредѣляющія законы природы, бываютъ по преимуществу функціями однозначными. Это соотвѣтствуетъ нашему предположенію, что данному закону при данныхъ обстоятельствахъ соотвѣтствуетъ въ природѣ только одно опредѣленное явленіе.

Наконецъ, при выраженіи законовъ природы однозначными аналитическими функціями мы получаемъ возможность обрисовать явленіе для всѣхъ моментовъ не только прошлаго, но и будущаго времени.

Такимъ образомъ, непрерывныя и однозначныя аналитическія функціи и примѣненіе математическаго анализа къ нимъ даютъ возможность усмотрѣть въ явленіяхъ природы и въ законахъ, ими управляющихъ, слѣдующія основныя свойства: 1) непрерывность явленій, 2) постоянство и неизмѣнность ихъ законовъ, 3) возможность понять и оцѣнить явленіе въ его элементарныхъ обнаруженіяхъ, 4) возможность складывать элементарныя явленія въ одно цѣлое и, наконецъ, 5) возможность точно и опредѣленно обрисовать явленіе для всѣхъ прошлыхъ и предсказать для всѣхъ будущихъ моментовъ времени.

Этими особенностями характеризуются всѣ требованія современной науки. Ими опредѣляется сущность современнаго научно-философскаго міросозерцанія. Онѣ вполнѣ исчерпываются особенностями непрерывныхъ и однозначныхъ аналитическихъ функцій и свойствами математическаго анализа.

Поразительные успѣхи современной науки зависѣли отъ удачнаго примѣненія математическаго анализа къ изученію основныхъ явленій природы. Эти успѣхи оправдали надежды, возлагаемыя мыслителями на математику.

При помощи математическаго анализа человѣку стали ясны многія скрытыя пружины въ устройствѣ вселенной. Развитіе астрономіи, небесной механики и связанныхъ съ ними практическихъ вопросовъ геодезіи, географіи и мореплаванія измѣнили весь строй современнаго общества. Развитіе механики и математической физики, сопровождаемое цѣлымъ рядомъ блестящихъ приложеній, еще болѣе подняло вѣру человѣка въ то, что аналитическое міросозерцаніе есть основное и наиболѣе правильное, что въ его дальнѣйшей разработкѣ лежитъ сущность будущихъ успѣховъ человѣческаго знанія.

Современные взгляды на природу подъ вліяніемъ анализа отличаются общностью и универсальностью.

Идея о непрерывности явленій природы стала проникать въ біологію, психологію и соціологію. Ученія Ламарка и Дарвина суть не что иное какъ попытки примѣнить къ біологіи тѣ воззрѣнія на непрерывную измѣняемость явленій, которыя господствуютъ въ геометріи, механикѣ и физикѣ.

Въ біологіи пришли къ убѣжденію, что конечный результатъ біологическихъ явленій есть простое слѣдствіе безконечно малыхъ измѣненій, замѣчаемыхъ нами въ явленіяхъ жизни животныхъ и растеній.

Наконецъ, въ соціологіи тоже стало преобладать воззрѣніе, что измѣненіе въ ходѣ общественныхъ явленій складывается подъ вліяніемъ непрерывныхъ измѣненій въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, привычкахъ и убѣжденіяхъ соціальныхъ единицъ.

Все болѣе и болѣе укрѣпляется идея, что соціальный ростъ совершается путемъ медленнаго и непрерывнаго прогресса всѣхъ элементовъ общества. Въ современныхъ историческихъ воззрѣніяхъ эволюціонныя теоріи берутъ перевѣсъ надъ теоріями революціонными. Наука стала брать верхъ надъ доктриною. Доктринерство стало мало-по-малу уступать мѣсто истинному знанію. Измѣнился самый взглядъ на прогрессъ. Съ идеей его стала соединяться мысль о непрерывномъ и постепенномъ улучшеніи. Стали сознавать, что это улучшеніе совершается не общественными скачками, а послѣдовательнымъ и постояннымъ усовершенствованіемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ.

Вотъ благія послѣдствія современнаго аналитическаго научно-философскаго міросозерцанія. Разработка и расширеніе аналитическаго міросозерцанія весьма желательны для дальнѣйшихъ успѣховъ человѣчества.

Человѣческій умъ, однако, не ограничивается только кругомъ вполнѣ разъясненныхъ истинъ. Онъ всегда забѣгаетъ впередъ. Онъ старается приложить выработанное міросозерцаніе даже къ тѣмъ фактамъ, которые не получили еще полнаго научнаго освѣщенія. Подъ вліяніемъ аналитическаго міровоззрѣнія стало ясно, что нѣкоторые законы природы неизмѣнны и постоянны, что нѣкоторыя явленія совершаются въ такомъ порядкѣ, что можно обрисовать ихъ ходъ въ прошломъ и будущемъ. Смиренномудріе не есть, однако, удѣлъ всѣхъ мыслителей. Нѣкоторые философы стали смѣло предполагать, что аналитическая точка зрѣнія приложима къ объясненію всѣхъ явленій. Они стали скрыто допускать, что всѣ міровыя событія подчиняются опредѣленнымъ и непреложнымъ аналитическимъ законамъ. Они стали увѣрять, что еслибы мы знали эти законы, то всѣ явленія можно было бы предсказать съ такою же точностью, съ какою предсказываются солнечныя затмѣнія и движенія планетъ. Такое скрытое допущеніе выработалось подъ вліяніемъ того обстоятельства, что у современнаго ученаго сложились привычки къ аналитическому міросозерцанію.

Подъ вліяніемъ аналитическаго взгляда на природу все чаще и чаще стала въ среду ученыхъ проникать идея, что въ ходѣ міровыхъ явленій имѣетъ значеніе одна причинность и не играетъ никакой роли цѣлесообразность. Въ средѣ философовъ все чаще и чаще стали слышаться голоса, утверждающіе съ увѣренностью, что природа равнодушна къ цѣлямъ человѣка, что она не знаетъ ни добра, ни зла. Добро и зло, красота, справедливость и свобода, говорили они, суть иллюзіи, созданныя воображеніемъ человѣка. Въ научныхъ взглядахъ нѣкоторыхъ философовъ стало преобладать чувство фатальности, роковой необходимости. Рокъ, судьба древняго міра, обрисовывается въ этихъ воззрѣніяхъ. Человѣкъ съ его свободою, идеальными цѣлями и возвышенными стремленіями вовлекался въ общій водоворотъ роковой необходимости. По ихъ понятіямъ, судьба по непреложнымъ и неизмѣннымъ законамъ непререкаемо господствуетъ надъ міромъ. Такой взглядъ приводитъ къ полному детерминизму. Такую точку зрѣнія иные

стали называть научною. Они гордились тѣмъ, что послѣдовательно держатся ея, наперекоръ самымъ очевиднымъ фактамъ и естественнымъ чувствамъ человѣка.

Вотъ какъ въ поэтической формѣ выражено это аналитическое міросозерцаніе въ одномъ стихотвореніи:

Природа говоритъ: «Пускай ты царь творенья,—
Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Ужель ты возмечталъ, въ безумномъ ослѣпленьи,
Что я раба твоя, а ты властитель мой?
Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня позналъ?
Что дерзко заглянулъ въ мое святыхъ святая
И свой тамъ начерталъ законъ и идеалъ?
Глупецъ! я захочу—и, пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты моихъ смирнѣйшихъ псовъ,
Я землю потрясу—и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ городовъ!
Я вышлю грозный моръ съ его сестрой войною,
Цвѣтущія поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну солнце мглою—
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски.
Повѣрь, мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ надеждъ. Я знаю лишь числа
Безжалостный законъ. Ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага, ни добра нѣтъ для меня, ни зла.
Въ побѣдномъ шествіи къ невѣдомой святынѣ
Не знаю цѣли я, начала иль конца,
Рождаю и топчу безъ гнѣва и гордыни
Слона и червяка, глупца и мудреца.
Живи-жъ, какъ все живетъ! Минутною волною
Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!»
Такъ въ вихрѣ, въ молніяхъ, въ грозѣ стихій природа
Гремитъ, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.

Неудивительно, что такой взглядъ на ходъ міровыхъ явленій сталъ встрѣчать горячій отпоръ въ средѣ многихъ мыслителей.

Въ такомъ взглядѣ многіе стали усматривать опасность съ этической и эстетической точки зрѣнія. Такимъ образомъ произошли недоразумѣнія между наиболѣе распространеннымъ научно-философскимъ міросозерцаніемъ и естественными и законными стремленіями человѣка. Какъ же устранить эти недоразумѣнія?

Для этого, проникаясь духомъ смиренномудрія, слѣдуетъ только посмотрѣть на міровыя явленія съ болѣе глубокой научной точки зрѣнія. Научно-философское міросозерцаніе тѣсно примыкаетъ къ математикѣ. Математическое толкованіе міровыхъ явленій составляетъ существенную принадлежность современной науки. Однако, изъ всѣхъ отдѣловъ математики къ объясненію явленій міра прилагался до сихъ поръ только математическій анализъ. Аналитическое же объясненіе міровыхъ явленій при помощи однихъ непрерывныхъ аналитическихъ функцій недостаточно. Кромѣ анализа, въ математикѣ существуетъ аритмологія, кромѣ непрерывныхъ функцій—прерывныя.

Присматриваясь къ явленіямъ природы, мы скоро подмѣчаемъ такіе факты, которые не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія одной непрерывности. Такъ, напримѣръ, разсматривая таблицу простыхъ тѣлъ, мы видимъ, что числа, ихъ характеризующія, не подчиняются закону непрерывности. Нѣтъ простыхъ тѣлъ всякой плотности. Каждое простое тѣло есть самостоятельный химическій индивидуумъ. Разсматривая сложныя химическія тѣла, мы также обнаруживаемъ, что они образуются изъ элементовъ, вступающихъ въ химическія соединенія только въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Непрерывность непримѣнима къ объясненію всѣхъ химическихъ явленій. Въ химіи часто прилагаются аритмологическіе законы. Они являются при опредѣленіи числа различныхъ соединеній одинаковаго состава. Каждое сложное химическое соединеніе есть отдѣльный самостоятельный индивидуумъ. Атомистическія теоріи химіи ясно указываютъ на индивидуальныя особенности въ строеніи вещества. Эти особенности оказываются въ кристалличе-

скомъ строеніи минераловъ. Онѣ не могутъ быть объяснены одною непрерывностью. Изъ акустики мы знаемъ, что только опредѣленное сочетаніе звуковъ производитъ эстетическое впечатлѣніе. Музыкальное чередованіе звуковъ имѣетъ вполнѣ аритмологическій характеръ.

Въ біологіи клѣточное строеніе органическихъ тѣлъ указываетъ на важную роль біологическихъ индивидуумовъ въ явленіяхъ жизни. Явленія сознанія также представляютъ много сторонъ, не подчиняющихся аналитическому взгляду на природу.

Въ соціологіи человѣкъ есть самостоятельный соціальный элементъ, и непрерывность непримѣнима къ объясненію многихъ общественныхъ явленій. Однимъ словомъ, существуетъ много случаевъ, въ которыхъ обнаруживается прерывность въ ходѣ и въ самомъ развитіи общественныхъ событій.

Прерывность всегда обнаруживается тамъ, гдѣ появляется самостоятельная индивидуальность. Прерывность подмѣчается также и тамъ, гдѣ на сцену выступаютъ вопросы о цѣлесообразности, гдѣ появляются эстетическія и *этическія* задачи.

Такимъ образомъ непрерывность объясняетъ только часть міровыхъ событій. Съ непрерывностью непосредственно связаны аналитическія функціи. Эти функціи приложимы къ объясненію только простѣйшихъ случаевъ жизни и природы.

Аналитическое міросозерцаніе однако недостаточно. Оно не покрываетъ всѣхъ фактовъ природы, не объясняетъ всѣхъ ея явленій.

Съ вопросами аритмологіи часто связаны самые дорогіе, самые возвышенные интересы человѣка. Философъ не можетъ отказаться отъ нихъ во имя односторонняго аналитическаго міровоззрѣнія. Цѣлесообразность и гармонія не могутъ быть выброшены за бортъ изъ истиннаго научно-философскаго міросозерцанія. При изученіи явленій природы слѣдуетъ также съ ними считаться. Аритмологическое міросозерцаніе указываетъ, что цѣлесообразность также играетъ роль въ міровыхъ явленіяхъ. Оно приводитъ насъ къ убѣжденію, что добро и зло, красота, справедливость и свобода не суть только иллюзіи, созданныя воображеніемъ человѣка. Оно убѣждаетъ насъ, что корни ихъ лежатъ въ самой сущности вещей, въ самой природѣ міровыхъ явленій, что они имѣютъ не фиктивную, а реальную подкладку. Аритмологическое міросозерцаніе не принуждаетъ насъ понимать теченіе событій только въ ихъ роковой и необходимой послѣдовательности. Оно освобождаетъ насъ отъ фатализма.

Въ общей экономіи нашихъ знаній и нашихъ чувствъ оно имѣетъ существенное значеніе и законное право на существованіе. Оно не противорѣчитъ математическому толкованію явленій природы. Аритмологическій взглядъ пополняетъ міросозерцаніе аналитическое. Каждое изъ нихъ объясняетъ соотвѣтствующія явленія или соотвѣтствующія стороны въ явленіяхъ. Два воззрѣнія, аналитическое и аритмологическое, не противорѣчатъ другъ другу, а составляютъ вмѣстѣ только двѣ стороны одного и того же математическаго толкованія явленій природы.

Истинное научно-философское міросозерцаніе не есть только міросозерцаніе аналитическое, а математическое, то-есть вмѣстѣ аналитическое и аритмологическое.

Въ математическомъ міросозерцаніи измѣняется и пополняется самый взглядъ на прогрессъ и на роль человѣка въ ходѣ міровыхъ событій.

Прогрессъ не есть только одно улучшеніе окружающей среды. Онъ неразрывно связанъ съ улучшеніемъ самой природы человѣка, съ усовершенствованіемъ его пониманія, его чувствъ и его воли. Въ немъ играютъ важную роль этическій и эстетическій элементы. Природа не есть только механизмъ, а организмъ, въ которомъ дѣйствуютъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ самостоятельные и самодѣятельные индивидуумы. Рядомъ съ универсализмомъ индивидуализмъ имѣетъ полное право на существованіе. Универсализмъ и индивидуализмъ не исключаютъ, а дополняютъ

другъ друга. Въ міровомъ порядкѣ всеобщей эволюціи между ними должны имѣть мѣсто не противоположеніе, а гармонія.

Въ безсознательномъ и сознательномъ стремленіи человѣка отыскать эту гармонію мы должны искать тайну, объясняющую многія явленія душевной жизни человѣка и исторической жизни человѣчества. Человѣкъ не есть только пассивное существо, не есть зеркало, только отражающее явленія окружающей природы. Онъ есть активный и творческій дѣятель, необходимое самостоятельное орудіе въ процессѣ всеобщаго усовершенствованія природы и жизни. Какъ объяснить, что до сихъ поръ въ научно-философскомъ міросозерцаніи преобладалъ аналитическій взглядъ на природу?...

Это зависѣло отъ многихъ причинъ. Съ одной стороны только въ послѣднее время стала выдвигаться аритмологія, какъ самостоятельная вѣтвь математики. Съ другой—блестящія приложенія математическаго анализа къ объясненію простѣйшихъ явленій міра пріучили ученыхъ къ мысли, что анализъ есть единственное орудіе математическаго изслѣдованія. Эти привычки такъ глубоко вкоренились въ общее сознаніе, что заслонили собою всѣ другіе математическіе пріемы. Конечно, простѣйшіе законы природы выражаются аналитическими функціями, и непрерывность дѣйствительно есть присущее и основное свойство явленій, связанныхъ съ этими законами. Мы не имѣемъ однако права распространять область непрерывности на всѣ явленія природы. Для этого у насъ нѣтъ ни логическихъ, ни фактическихъ основаній.

До сихъ поръ полагали, что на каждый научный вопросъ долженъ существовать только одинъ опредѣленный отвѣтъ, и не допускали случаевъ, когда могло быть нѣсколько рѣшеній. Между тѣмъ въ аритмологіи встрѣчаются особыя функціи, обратныя прерывнымъ.

Ихъ можно назвать функціями произвольныхъ величинъ. Онѣ обладаютъ свойствомъ имѣть безчисленное множество

значеній для одного и того же значенія независимаго перемѣннаго.

Эти функціи встрѣчаются въ природѣ. Можно привести примѣры, гдѣ имѣетъ мѣсто ихъ приложеніе.

Извѣстно, что по закону Вебера существуетъ соотношеніе между ощущеніемъ и впечатлѣніемъ, выражаемое логариѳмичискою функціею. Однако при этомъ обнаруживается слѣдующая особенность. Впечатлѣніе можетъ иногда измѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ, тогда какъ ощущеніе остается постояннымъ. Такимъ образомъ ощущеніе есть прерывная функція впечатлѣнія. Обратно впечатлѣніе, разсматриваемое какъ функція даннаго ощущенія, есть произвольная величина, способная получить всякое значеніе въ опредѣленныхъ предѣлахъ измѣненія. Такая зависимость ведетъ къ цѣлому ряду замѣчательныхъ психологическихъ результатовъ. Она расширяетъ наши взгляды на природу и на человѣка. Согласно съ этимъ закономъ, данному впечатлѣнію всегда соотвѣтствуетъ въ данномъ индивидуумѣ опредѣленное ощущеніе, но данному ощущенію можетъ соотвѣтствовать много впечатлѣній.

Въ виду этого закона, какъ скоро мы пожелаемъ по нашимъ ощущеніямъ сдѣлать тѣ или другіе выводы о соотвѣтствующихъ впечатлѣніяхъ, мы не въ состояніи ручаться за точность и полную опредѣленность заключенія. Такимъ образомъ, по самой сущности нашей конечной организаціи, мы должны устранить преобладающее господство роковой необходимости въ области нашихъ чувствъ и нашихъ поступковъ.

Только продолжительное воспитаніе можетъ нѣсколько съуживать границы неопредѣленности въ нашихъ сужденіяхъ и въ нашихъ дѣйствіяхъ. Самая необходимость самовоспитанія уже изгоняетъ фатализмъ изъ нашихъ теоретическихъ взглядовъ на человѣка и его природу. Нѣкоторая доля случайности, появляющаяся въ нашихъ дѣйствіяхъ, вноситъ элементъ случайности въ самую природу.

Такимъ образомъ случайность выступаетъ на сцену, какъ

присущее свойство нѣкоторыхъ міровыхъ явленій. Въ мірѣ господствуетъ не одна достовѣрность. Въ немъ имѣетъ силу также и вѣроятность.

Ученіе о случайныхъ явленіяхъ или теорія вѣроятностей является существенною математическою наукою въ общей системѣ знаній. Философу нужно считаться съ вѣроятностію такъ же, какъ и съ достовѣрностію.

Теорія вѣроятностей должна давать отвѣты тамъ, гдѣ неприложимы анализъ и аритмологія и гдѣ неизвѣстенъ законъ явленія.

Она выступаетъ большею частію въ сферѣ очень сложныхъ событій. Къ области ихъ должны безспорно быть отнесены многія общественныя явленія. Теорія вѣроятностей приложима ко многимъ соціальнымъ явленіямъ. Законъ большихъ чиселъ показываетъ, что вліяніе случайныхъ причинъ, нарушающихъ правильный ходъ явленій, можетъ быть ослаблено большимъ числомъ наблюденій.

На основаніи этого закона наши заключенія о случайныхъ явленіяхъ могутъ имѣть нѣкоторую силу, не смотря на то, что намъ неизвѣстны законы ихъ причинной связи съ другими явленіями.

Къ какимъ же соображеніямъ мы должны прійти по вопросу объ отношеніи математики къ научно-философскому міросозерцанію?

Сущность истиннаго научно-философскаго міросозерцанія вытекаетъ изъ примѣненія математики въ *ея полномъ объемѣ* къ изученію явленій природы. Тамъ, гдѣ явленія характеризуются непрерывностью въ своихъ измѣненіяхъ, примѣнимъ математическій анализъ и вполнѣ приложимо аналитическое пониманіе этихъ явленій. Въ этихъ случаяхъ явленія, развиваясь по неизмѣннымъ и постояннымъ законамъ, допускаютъ возможность обрисовать ихъ съ полною опредѣленностью въ цѣломъ и въ ихъ элементарныхъ обнаруженіяхъ. Можно сдѣлать яснымъ самый ходъ такихъ явленій для всѣхъ моментовъ времени. Такія явленія можно предсказать. Они совершаются какъ бы роковой необходимостью.

Кромѣ явленій, подчиняющихся въ своемъ развитіи законамъ непрерывности, существуютъ въ природѣ болѣе сложныя явленія, не подчиняющіяся этимъ законамъ. Тамъ иногда приложима теорія прерывныхъ функцій.

Аритмологическая точка зрѣнія дополняетъ аналитическое міровоззрѣніе. Точки зрѣнія аналитическая и аритмологическая въ своей совокупности составляютъ вмѣстѣ одно математическое пониманіе явленій. Наконецъ, тамъ, гдѣ явленія не подчиняются правильнымъ законамъ, приложимо ученіе о случайности. Изъ совокупнаго примѣненія всѣхъ этихъ отдѣловъ математики образуется истинное научно-философское міросозерцаніе.

При объясненіи міровыхъ явленій можно держаться различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ называемое позитивное міросозерцаніе стремится отвѣтить только на вопросъ: „какъ совершаются эти явленія?“ Господствующее аналитическое міросозерцаніе пытается отвѣчать на вопросы: „какъ и почему?“... Истинное научно-философское міросозерцаніе стремится къ тому, чтобы по мѣрѣ силъ отвѣтить не только на вопросы: „какъ и почему?“, но и на вопросы: „къ чему и зачѣмъ?“ Это міросозерцаніе не вноситъ разлада между нашимъ пониманіемъ и нашими чувствами. Оно не приводитъ къ столкновенію явленій цѣлесообразности съ явленіями причинности. Оно пытается привести наши идеи и наши идеалы къ гармоническому единству.

Лейбницъ, основатель исчисленія безконечно-малыхъ, первый формулировалъ идею о прогрессѣ, какъ идею о постепенномъ усовершенствованіи общества. Онъ, положивъ прочныя основы для развитія математическаго анализа, значительно содѣйствовалъ укрѣпленію аналитическаго міросозерцанія. Онъ самъ считалъ себя творцомъ начала непрерывности. Онъ же сознавалъ и недостаточность его для объясненія всѣхъ міровыхъ явленій. Его монадологія имѣла въ виду дополнить аналитическое міросозерцаніе и дать философскій отпоръ наклонности къ раціонализму и универсализму нѣкоторыхъ философовъ. Въ ней онъ показалъ,

какое важное значеніе имѣютъ недѣлимыя и самостоятельныя индивидуальности въ міровомъ порядкѣ. Въ этомъ сказалось глубокое философское чутье великаго математика.

Я не касался вообще философской стороны вопроса. Логика, психологія, исторія философіи во многихъ случаяхъ еще убѣдительнѣе подтверждаютъ наши соображенія.

Мы видѣли, что въ области чистой математики непрерывность и прерывность суть два понятія, несводимыя одно къ другому. Они представляютъ примѣръ математической антиноміи. Полное пониманіе научныхъ математическихъ фактовъ возможно только при условіи, чтобы два эти способа измѣненія величинъ въ равной мѣрѣ были принимаемы во вниманіе. При правильной оцѣнкѣ и научной классификаціи фактовъ чистой математики должны между ними устанавливаться не противорѣчіе, а гармонія.

Точно также изъ тѣхъ областей знанія, которыя обнимаютъ собою логика, психологія, исторія философіи и соціологія, мы убѣждаемся, что универсальное и индивидуальное, абстрактное и конкретное, личное и общественное, интеллектуальное и художественное, взаимно дополняютъ другъ друга.

Тамъ, мы уясняемъ себѣ, что причинность и цѣлесообразность, необходимость и случайность, анализъ и синтезъ, самоутвержденіе и самоотрицаніе—могутъ и должны находиться въ полномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. Эти понятія не должны исключать и подавлять другъ друга. Жизнь заключается въ постоянномъ стремленіи дать законный исходъ различнымъ и, повидимому, противоположнымъ влеченіямъ. Въ той антиноміи, которая вносится этими понятіями, кроется тотъ жизненный пульсъ, которымъ проникнуто все, что мыслитъ, страдаетъ и любитъ. Въ обсужденіи и оцѣнкѣ міровыхъ фактовъ мы должны считаться съ ними, приводить ихъ къ единству и гармоніи.

Я не касался подробно вопроса съ этой точки зрѣнія только потому, что это выходило за предѣлы моей задачи. Я хотѣлъ только выяснить, что, оставаясь на одной объективной и научной почвѣ, можно прійти къ болѣе глубокимъ взглядамъ на жизнь и природу. Я хотѣлъ оправдать истинную науку отъ нареканій. Я желалъ показать, что истины, выдвигаемыя точными науками, не отрицаютъ, а утверждаютъ на прочныхъ основахъ наши идеальныя стремленія къ единству и гармоніи.

Вотъ почему мы на вполнѣ объективной почвѣ можемъ примкнуть ко второй половинѣ того же стихотворенія, гдѣ, давая отпоръ одностороннему аналитическому міросозерцанію, подчиняющему природу законамъ фатальной необходимости, человѣкъ, въ отвѣтъ такой безжалостной природѣ, подъ вліяніемъ болѣе глубокаго пониманія міровыхъ явленій, характеризуетъ свое назначеніе въ слѣдующихъ поэтическихъ словахъ:

Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ: свобода!
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви правды и добра изъ мощныхъ рукъ.
И гордо говоритъ: Кто-бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенный,—
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
Мертва ты и слѣпа въ своей красѣ суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Я вычеркну порокъ, скажу: погибни, тьма!
Скажу: зажгись разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынѣ,
Гдѣ слѣдъ я оставлялъ тяжелаго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда...

Н. Бугаевъ.

Философія права.

Введеніе.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ философія права занимала выдающееся мѣсто въ ряду юридическихъ наукъ. Каково бы ни было разнообразіе взглядовъ на философскія основанія права, признавалось, какъ несомнѣнная истина, что они должны служить руководящими началами практики. Философія права была однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія въ университетахъ; она порождала обширную ученую литературу. И это имѣло глубокій смыслъ, ибо область права не исчерпывается положительнымъ законодательствомъ. Послѣднимъ опредѣляются тѣ юридическія нормы, которыя дѣйствуютъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Но юридическіе законы не остаются вѣчными и неизмѣнными, какъ законы природы, которые нужно только изучать и съ которыми всегда надобно сообразоваться. Положительные законы суть произведенія человѣческой воли и, какъ таковыя, могутъ быть хороши или дурны. Съ этой точки зрѣнія, они требуютъ оцѣнки. По той же причинѣ они измѣняются, сообразно съ измѣненіями потребностей и взглядовъ. Чѣмъ же долженъ руководствоваться законодатель при опредѣленіи правъ и обязанностей подчиняющихся его велѣніямъ лицъ? Онъ не можетъ черпать руководящія начала изъ самого положительнаго права, ибо это именно то, что требуется оцѣнить и измѣнить; для этого нужны иныя, высшія соображенія. Онъ не можетъ

довольствоваться и указаніями жизненной практики, ибо послѣдняя представляетъ значительное разнообразіе элементовъ, интересовъ и требованій, которые приходятъ въ столкновенія другъ съ другомъ и между которыми надобно разобраться. Чтобы опредѣлить ихъ относительную силу и достоинство, надобно имѣть общіе вѣсы и мѣрило, то-есть руководящія начала, а ихъ можетъ дать только философія. Нельзя разумнымъ образомъ установить права и обязанности лицъ, не зная, что такое право, гдѣ его источникъ и какія изъ него вытекаютъ требованія. Это начало тѣсно связано съ самою человѣческою личностью, а потому необходимо изслѣдовать природу человѣка, ея свойства и назначеніе. Все это вопросы философскіе, которые поэтому не могутъ быть рѣшены безъ глубокаго и основательнаго изученія философіи. Отсюда та важная роль, которую играла философія права въ развитіи европейскихъ законодательствъ. Подъ вліяніемъ вырабатываемыхъ ею идей разрушался завѣщанный вѣками общественный строй и воздвигались новыя зданія. Достаточно указать на провозглашенныя философіею XVIII-го вѣка начала свободы и равенства, которыя произвели Французскую революцію и имѣли такое громадное вліяніе на весь послѣдующій ходъ европейской исторіи.

Это увлеченіе идеями имѣло однако и свою оборотную сторону. Возносясь въ отвлеченную область, философская мысль мало обращала вниманія на реальныя условія жизни. Къ практикѣ она относилась чисто отрицательно; нерѣдко она строила фантастическія зданія, которыя не могли найти приложенія въ реальномъ мірѣ. Таковъ былъ *Общественный Договоръ* Руссо. Таковымъ же въ особенности является послѣднее произведеніе самой крайней идеалистической философіи—соціализмъ.

Такое направленіе естественно вызвало реакцію. По общему свойству человѣческаго ума, склоннаго предаваться одностороннимъ теченіямъ, она обратилась не только противъ увлеченій идеализма, но и противъ философіи вообще. Въ движеніи мысли произошелъ крутой поворотъ. Дошедши

до крайнихъ предѣловъ односторонняго пути и не видя исхода, мышленіе внезапно перескочило на противоположный конецъ. Вмѣсто того, чтобы строить зданіе по начертанному архитекторомъ общему плану, оно принялось воздвигать фундаментъ на основаніи чисто практическихъ соображеній. Метафизика была отвергнута, какъ бредъ воображенія, и единственнымъ руководящимъ началомъ всякаго знанія и всякой дѣятельности признанъ былъ опытъ.

Послѣдняя односторонность оказалась однако горше первой. Если идеализмъ, витая въ облакахъ, строилъ иногда фантастическія зданія и дѣйствовалъ разрушительно на практику, то въ немъ самомъ заключалась и возможность поправки: подъ вліяніемъ критики, одностороннія опредѣленія замѣняются болѣе полными и всесторонними. Реализмъ же, лишенный идеальныхъ, то-есть разумныхъ началъ, остается безсильнымъ противъ самыхъ нелѣпыхъ теорій. Именно на почвѣ реализма соціализмъ, въ самыхъ крайнихъ своихъ формахъ, не встрѣчая надлежащаго отпора, болѣе и болѣе покоряетъ себѣ массы. Самое понятіе о правѣ совершенно затмилось въ современныхъ умахъ. Оно было низведено на степень практическаго интереса, ибо для идеальныхъ началъ не остается болѣе мѣста. Германская юриспруденція, въ лицѣ одного изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей, прямо провозгласила, что право есть политика силы *). Оно является выраженіемъ эгоизма, но не личнаго, а общественнаго, превращающаго отдѣльное лице въ вьючное животное, осужденное носить непосильное бремя общественныхъ тяжестей, подъ которымъ оно изнемогаетъ **). Не только право, но и сама нравственность выводится изъ того же начала. Индивидуализмъ долженъ быть выгнанъ изъ этого послѣдняго угла, изъ области внутренней совѣсти, въ которой онъ старается укрыться ***). Та-

*) Ihering: der Zweck im Recht, I, стр. 255; тамъ же, стр. 252: „So ist mithin das Recht nur ein Accidens der Gewalt selber“.

**) Тамъ же, II стр. 192; I, стр. 522.

***) Тамъ же, II; стр. 157.

ковы теоріи, въ настоящее время господствующія въ странѣ, которыя полвѣка тому назадъ были родиной самаго глубокаго и возвышеннаго идеализма. Очевидно, онѣ идутъ прямо на руку соціалистамъ, которыхъ всѣ стремленія клонятся къ тому, чтобы массой, одушевленной эгоистическими цѣлями, подавить всякую самостоятельность отдѣльнаго лица и не дать никому возвыситься надъ общимъ низменнымъ уровнемъ.

Тѣ изъ молодыхъ юристовъ, которые, возмущаясь господствующими теченіями, признаютъ въ современномъ мірѣ полную „дезорганизацію правосознанія“ и въ особенности въ ученіи Іеринга видятъ „лишь одинъ изъ симптомовъ общей болѣзни, общей нравственной и идейной дегенераціи теперешней переходной эпохи культуры“ *), сами не въ состояніи выбиться изъ проложенной колеи. Они хотятъ возстановить старое естественное право, но, при полномъ недостаткѣ философской подготовки, не знаютъ, какъ къ этому приступить. По примѣру Іеринга, они смѣшиваютъ право съ политикой и возвѣщаютъ науку будущаго—цивильную политику, которая должна быть возрожденіемъ естественнаго права! **) Чего только нѣтъ въ этой наукѣ будущаго? Тутъ и проповѣдь любви Ап. Павла, которая должна сдѣлаться цѣлью правовѣдѣнія (!), и экономическое устройство общества по новѣйшимъ рецептамъ нѣмецкихъ соціалистовъ каѳедры, которыхъ теоріи представляютъ полнѣйшій хаосъ всякаго рода юридическихъ, нравственныхъ, экономическихъ и политическихъ понятій. Нѣтъ только того, что составляетъ источникъ и основаніе всякаго права—человѣческой личности, съ ея духовной природой и вытекающими изъ нея требованіями. Лица разсматриваются просто какъ склады товаровъ (Güterstationen), по которымъ произведенія размѣщаются государствомъ, на основаніи соображеній общественнаго блага, болѣе и болѣе приближаясь къ идеалу

*) Петражицкій: Права добросовѣстнаго владѣльца, стр. 420; его же: Die Lehre von Einkommen, стр. 599.

**) Die Lehre v. Einkom. стр. 579, примѣч.

любви. Цѣлью цивильной политики ставится распредѣленіе имуществъ, которое признается не частнымъ, а общественнымъ дѣломъ, а потому должно завѣдываться государствомъ, по общему плану. О томъ, что людямъ что-нибудь принадлежитъ, чего нельзя у нихъ отнять безъ нарушенія справедливости, нѣтъ и рѣчи. Справедливость не состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому свое, какъ опредѣляли римскіе юристы; это не болѣе какъ смутное чувство, которымъ прикрываются чисто голословныя утвержденія. Признается, что государство можетъ по своему произволу постановлять все, что угодно, напримѣръ, что процентъ съ капитала долженъ принадлежать не собственнику, а тому, кто употребляетъ капиталъ. Автору, повидимому, даже не приходитъ въ голову, что еслибы государство издало подобный законъ, то разомъ прекратились бы всѣ сдѣлки и займы и промышленность стала бы на точкѣ замерзанія. Правительство, которое вздумало бы сдѣлать такое постановленіе, слѣдовало бы прямо посадить въ домъ умалишенныхъ. Но всего изумительнѣе то, что эти взгляды самаго новѣйшаго издѣлія подкрѣпляются авторитетомъ римскихъ юристовъ. Правда, послѣдніе не имѣли понятія о цивильной политикѣ, которая, къ благополучію человѣческаго рода, даже въ настоящее время еще не родилась и, можно надѣяться, никогда не родится. Столь же мало они знали о теоріяхъ современныхъ соціалистовъ каѳедры и соціалъ-политиковъ. Поэтому ихъ разсужденія откидываются, какъ негодныя. Хотя юридическая логика признается самымъ существеннымъ элементомъ прововѣдѣнія, однако это относится лишь къ логикѣ будущей цивильной политики, а не къ прославленной логикѣ римскихъ юристовъ, которая обличаетъ только ихъ полное экономическое невѣжество. Важное значеніе ихъ заключается не въ томъ ясномъ и вѣрномъ юридическомъ смыслѣ, съ помощью котораго они, разрѣшая жизненныя столкновенія, создали цѣльную и стройную систему права, что́ и дѣлало ихъ всегда предметомъ удивленія, а въ томъ, что они были безсознательными органами

какого-то никому неизвѣстнаго обычнаго права какого-то неизвѣстнаго народа, ибо что такое былъ римскій народъ во времена Имперіи? Съ этой точки зрѣнія будущая цивильная политика должна пользоваться ихъ указаніями, чтобы постепенно приближаться къ идеалу любви.

Таковы юридическія воззрѣнія, которыя появляются въ настоящее время въ Германіи и у насъ, какъ послѣднее слово новѣйшей науки. Еслибы всѣ эти странныя измышленія были произведеніемъ молодого человѣка, хватающаго вершки и желающаго выдумать что-нибудь свое, то это было бы понятно и не имѣло бы значенія. Но когда все это является подъ перомъ ученаго, хотя недавно выступившаго на литературное поприще, но обнаруживающаго въ своихъ раннихъ произведеніяхъ обширныя свѣдѣнія, тонкій умъ и блестящій талантъ, то это служитъ указаніемъ на ту школу, изъ которой онъ вышелъ. По собственному выраженію автора, это одинъ изъ признаковъ того полнаго затменія правосознанія, которое служитъ характеристическою чертою современныхъ обществъ.

Если таковы понятія юристовъ, то чего же можно ожидать отъ не-юристовъ? Во Франціи презрѣніе къ индивидуализму не достигло до такой степени, какъ въ Германіи. Тамъ живы еще преданія Французской Революціи, съ провозглашенными ею началами свободы и равенства; тамъ и въ учрежденіяхъ, и въ мыслящихъ сферахъ сохраняются понятія о правахъ человѣка. Но эти понятія были порожденіемъ метафизики, а метафизика отвергается, какъ устарѣвшій хламъ; господствующая нынѣ положительная философія признаетъ, что мы сущности вещей не знаемъ и не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о метафизической природѣ человѣка, изъ которой вытекаютъ эти права. И духовная личность, и свойственная ей свобода воли, все это считается метафизическими бреднями, которыя надобно выкинуть за бортъ. Но тогда что же остается? Остается скептицизмъ, и на немъ думаютъ основать начала свободы и равенства. Хотя мы истинной природы человѣка не знаемъ, хотя мы не знаемъ

даже, что такое добро, однако мы все-таки можемъ *гипотетически* стремиться, можетъ быть, и къ неосуществимому идеалу права. Но такъ какъ это не болѣе какъ гипотеза, то мы должны предоставить каждому идти къ этому идеалу по-своему, лишь бы онъ не нарушалъ чужой свободы и всеобщаго равенства. Устройство практическихъ отношеній опредѣляется такимъ образомъ не способностью къ теоретическому познанію *). Очевидно, однако, что при такой хотя и совершенно туманной, постановкѣ вопроса ни о какомъ равенствѣ не можетъ быть рѣчи. Каковы бы ни были границы человѣческаго познанія, нельзя поставить на одну доску генія и глупца, глубокаго ученаго и круглаго невѣжду. Всего менѣе могутъ это дѣлать послѣдователи положительной философіи, которые признаютъ науку высшимъ руководящимъ началомъ человѣческой жизни. Основатель ея, Огюстъ Контъ, былъ весьма далекъ отъ подобныхъ выводовъ, не имѣющихъ за себя ни фактическаго основанія, ни логической связи.

Но не въ одномъ только правовѣдѣніи упадокъ философіи ведетъ къ извращенію понятій и къ шаткости взглядовъ. Та же участь постигла всѣ общественныя науки. Человѣкъ, по природѣ своей, есть метафизическое существо; метафизическія начала руководятъ его дѣйствіями; они входятъ, какъ основной элементъ, во всѣ общественныя отношенія. Поэтому, какъ скоро метафизика была отвергнута, такъ всѣ теоретическія основанія общества были расшатаны. Но такъ какъ безъ нихъ нельзя обойтись, такъ какъ человѣкъ, будучи разумнымъ существомъ, стремится дать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ отношеніяхъ и съ сознанными имъ началами соображаетъ свои поступки, то, отвергнувъ метафизическія основанія общества, надобно было замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь другимъ. Требовалось создать положительную науку объ обществѣ, основанную на чисто опытныхъ данныхъ. Это и пытался сдѣлать Огюстъ

*) См. Fouillée: L'idée moderne du droit. 4 éd. стр. 288.

Контъ. Онъ сочинилъ новую науку, соціологію, которая должна была обнимать всѣ отрасли знанія, касающіяся человѣческихъ обществъ, служа имъ общей основой. Въ ней онъ видѣлъ вѣнецъ воздвигнутаго имъ философскаго зданія, которое, въ сущности, было полнымъ отрицаніемъ всякой философіи.

Въ другомъ мѣстѣ я подробно разобралъ ученіе Конта и показалъ всю его несостоятельность *). Полное извращеніе фактовъ, при отсутствіи всякаго яснаго взгляда, и чисто фантастическое построеніе будущаго нормальнаго общества—таковы были единственные результаты этой попытки. Однако, потребность выяснить себѣ основанія человѣческаго общежитія давала себя чувствовать, а потому, въ новѣйшее время, примѣръ Конта нашелъ многочисленныхъ подражателей. По этому предмету возникла довольно объемистая литература; въ нѣкоторыхъ университетахъ учреждены даже каѳедры соціологіи. Но такъ какъ научныхъ основаній для построенія подобныхъ зданій не было никакихъ, то изъ этого ничего не могло выдти, кромѣ довольно празднаго разглагольствованія. Сами соціологи въ этомъ сознаются. „Соціологія,—говоритъ новѣйшій изъ нихъ, Гиддингсъ,—была (надобно въ этомъ признаться) субстанціей научныхъ вещей, составляющихъ предметъ чаянія (a substance of scientific things hoped for); но осуществленіе ея логическихъ возможностей, по крайней мѣрѣ, немного ближе теперь, нежели когда Г. Спенсеръ писалъ свою пробуждающую главу о нашей потребности въ такой наукѣ“ **). Ближе однако мы не подвинулись. Что и доселѣ, кромѣ праздныхъ надеждъ, тутъ ничего нѣтъ, въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто съ истинно научнымъ пониманіемъ приступаетъ къ изученію произведеній этой литературы.

Прежде всего, соціологи не могутъ придти къ соглашенію на счетъ того, какая это наука. Одни говорятъ, что это—„наука абстрактная, которая должна заключать въ себѣ

*) См. *Положительная философія и единство науки.*

**) The Principles of sociology, стр. 17.

истины общаго характера“ *); другіе, напротивъ, утверждаютъ, что это—наука конкретная, описательная, историческая и индуктивная **). Очевидно, такое разногласіе было бы невозможно, еслибы эта наука существовала. Самое ея содержаніе показало бы, что это за наука. Никто не сомнѣвается въ томъ, какого рода науки—математика, астрономія, химія, исторія, политическая экономія; у нихъ есть содержаніе, которое говоритъ за себя. Соціологія же пока пробавляется только чаяніями, а потому представляетъ широкое поприще для самыхъ разнообразныхъ предположеній.

На этотъ счетъ можно однако столковаться, ибо поле тутъ совершенно чистое: пиши, что хочешь! Бѣда въ томъ, что, какъ бы мы ни посмотрѣли на соціологію, будемъ ли мы видѣть въ ней абстрактную или конкретную науку, въ обоихъ случаяхъ „осуществленіе логическихъ ея возможностей“ встрѣчаетъ неодолимыя препятствія. Если мы остановимся на томъ, что это—конкретная, историческая и описательная наука, какъ утверждаетъ Гиддингсъ, то она должна включить въ себя весь громадный фактическій матеріалъ, собранный различными общественными науками въ ихъ многовѣковомъ развитіи. Тутъ нельзя уже пробавляться жиденькими томиками съ кой-откула набраннымъ содержаніемъ; соціологія въ этой формѣ можетъ быть изложена только въ многотомныхъ сочиненіяхъ, обнимающихъ всѣ отрасли человѣческаго знанія, касающіяся общественныхъ отношеній. Ни одинъ серіозный ученый, конечно, не возьмется за такую работу, превышающую силы отдѣльнаго человѣка. Сами соціологи, когда они берутся излагать свою конкретную науку, отнюдь не пытаются осилить весь фактическій матеріалъ. Оставаясь въ области чаяній, они довольствуются скудными извлеченіями на обумъ выхваченныхъ фактовъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій, преимущественно о первобытной культурѣ человѣчества. Если отбросить эти никому не нужныя и ничего не доказывающія компиляціи, то ничего не останется, кромѣ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ и ни на чемъ не основанныхъ разсужденій.

*) Карѣевъ: Введеніе въ изученіе соціологіи, стр. 120.
**) Giddings: Pr. of soc., стр. 49.

Съ другой стороны, если мы будетъ смотрѣть на соціологію какъ на абстрактную науку, изслѣдующую общія начала общежитія и долженствующую служить руководствомъ для всѣхъ частныхъ наукъ, касающихся человѣческихъ обществъ, то здѣсь возникаютъ затрудненія своего рода. Спрашивается: откуда взять эти общія начала? Они могутъ быть добыты двоякимъ путемъ: посредствомъ индукціи и посредствомъ дедукціи. Положительная философія, опирающаяся на опытъ, очевидно должна избрать первый путь. Но тогда приходится изучить всѣ отдѣльныя науки, свести ихъ къ единству и извлечь изъ нихъ то, что въ нихъ есть общаго и достовѣрнаго. Въ такомъ только случаѣ общія начала будутъ стоять на прочномъ основаніи всесторонне изслѣдованныхъ и логически связанныхъ фактическихъ данныхъ. Таково непремѣнное требованіе истинно научной индукціи. Нечего говорить о томъ, что никто изъ современныхъ соціологовъ не думалъ предпринимать подобнаго труда. Кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ различныхъ общественныхъ наукъ, тотъ знаетъ, что эта задача даже и неисполнима. Въ настоящее время она менѣе возможна, нежели когда-либо, ибо съ упадкомъ философіи всѣ основанія, на которыхъ строились отдѣльныя науки, расшатаны и подвергнуты сомнѣнію. Позитивисты прямо заявляютъ, что надобно все зданіе перестроить заново, откинувъ все, что носитъ на себѣ печать метафизики. Для исполненія такой задачи строго научнымъ образомъ требуется работа многихъ поколѣній: надобно осилить весь фактическій матеріалъ, утвердить его на непоколебимыхъ основаніяхъ, и тогда уже извлечь изъ него общія начала, которыя должны служить предметомъ соціологіи. При такихъ условіяхъ, о соціологіи, какъ наукѣ, въ настоящее время не можетъ быть рѣчи; она является не болѣе, какъ чаяніямъ отдаленнаго будущаго.

Остается, слѣдовательно идти путемъ дедуктивнымъ, который гораздо проще и легче, особенно если не быть слишкомъ взыскательнымъ на счетъ логики. Но откуда же взять общія начала? Такъ какъ частныя общественныя науки ихъ не даютъ, а метафизика отвергнута, то приходится заимствовать ихъ изъ другихъ наукъ, пришедшихъ къ болѣе или мѣнѣе достовѣрнымъ выводамъ. Такой пріемъ былъ указанъ уже Огюстомъ Контомъ, и по этому пути послѣдовали многіе изъ новѣйшихъ соціологовъ. Однако онъ не привелъ и не можетъ привести ни къ какимъ серіознымъ результатамъ. Перенесеніе даже вполнѣ достовѣрныхъ началъ изъ одной области въ другую, гдѣ господствуютъ совершенно иныя условія, всегда въ значительной степени гадательно, а нерѣдко приводитъ къ прямо превратному пониманію вещей. Начала, господствующія въ извѣстной области, должны быть изучаемы въ ней самой, а не приносимы извнѣ, что ведетъ къ насильственному подчиненію фактовъ подъ совершенно чуждыя имъ понятія. Это и случается сплошь и рядомъ съ соціологами, которые заимствуютъ свои основныя начала изъ другихъ, болѣе или менѣе близкихъ къ соціологіи наукъ, именно, изъ біологіи и психологіи.

Уже Контъ указывалъ на біологію, какъ на такую науку, начала которой должны опредѣлять устройство и развитіе человѣческихъ обществъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ соціологовъ рѣшительно пошли по этому пути. Два біологическихъ начала въ особенности были приложены къ явленіямъ общественной жизни: понятіе объ обществѣ, какъ объ организмѣ, и провозглашенная Дарвиномъ борьба за существованіе.

Первое начало не ново. Еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія понятія объ организмѣ и объ органическомъ развитіи были выработаны философскою школою Шеллинга въ особенности же Аренсомъ, а историческая школа, съ своей стороны, противополагала органическое развитіе права всякому произвольному законодательству. Позднѣе, даже основательные юристы, какъ Блунчли,

прибѣгали къ такого рода уподобленіямъ, и далеко не всегда умѣстно. Но такъ какъ эти сравненія и метафоры не имѣли вліянія на содержаніе ученія, то они оставались безвредными. Существенны были общія понятія объ организмѣ, какъ объ отношеніи цѣлаго и частей, отличномъ отъ чисто внѣшняго, механическаго сочетанія, и о развитіи, какъ естественномъ ростѣ сознанія, въ противоположность извнѣ наложеннымъ формамъ. Эти понятія, при должныхъ оговоркахъ, могли быть съ пользою усвоены наукою. Но совсѣмъ иначе взглянули на это послѣдователи положительной философіи. Общія начала они отвергаютъ, какъ продуктъ метафизики; для нихъ важны явленія, и они понятіе объ организмѣ прилагаютъ къ обществу, не въ видѣ сравненія, а какъ нѣчто реальное. Метафоры превращаются въ дѣйствительныя явленія жизни. Не только цѣлое общество понимается какъ организмъ, но отдѣльныя лица уподобляются клѣточкамъ, а ихъ соединенія тканямъ; проводятся аналогіи различныхъ органовъ и функцій, при чемъ составными частями общественнаго организма признаются не только живыя существа, но и матеріальныя принадлежности, дороги, дома, топливо и т. п. И изъ всѣхъ этихъ чисто фантастическихъ построеній, которыя далеко оставляютъ за собою старую метафизику, дѣлаются мнимо научные выводы объ отношеніяхъ лица къ обществу, причемъ съ одинакимъ правдоподобіемъ можно утверждать полное поглощеніе лица обществомъ и отстаивать чисто индивидуалистическую точку зрѣнія. Образцами того и другого могутъ служить, съ одной стороны, многотомное сочиненіе бывшаго профессора политической экономіи и министра Австрійской имперіи Шеффле: *Строеніе и жизнь общественнаго тѣла*, съ другой стороны *Начала соціологіи* самаго виднаго изъ современныхъ философовъ-эмпириковъ, Герберта Спенсера. Съ научной точки зрѣнія оба представляютъ только рядъ безконечныхъ фантазій*).

*) Болѣе подробный разборъ теорій Шеффле и Спенсера см. въ моемъ сочиненіи: *Собственность и Государство*, I, стр. 302 и слѣд.

Еще менѣе приложимо начало борьбы за существованіе. Даже и въ области біологіи это начало, какъ источникъ развитія, остается голою гипотезой, которая не находитъ подтвержденія въ фактахъ. Никто никогда не видалъ, чтобы организмы измѣнялись подъ вліяніемъ борьбы за существованіе. Тѣ видоизмѣненія, которыя производятся путемъ искусственнаго подбора и которыя служили точкою отправленія для Дарвина, совершаются именно вслѣдствіе того, что животныя и растенія изъемлются изъ подъ вліянія борьбы за существованіе; какъ скоро они предоставлены себѣ, они возвращаются къ нормальному типу. Плохимъ оправданіемъ отсутствія фактовъ служатъ тѣ громадные періоды времени, которые будто бы необходимы для того, чтобы произвести и упрочить самыя маленькія измѣненія. Это только жалкое убѣжище незнанія. Искусственный подборъ дѣйствуетъ успѣшно въ весьма короткіе періоды времени, а природа, по признанію самого Дарвина, обладаетъ несравненно бо̀льшими средствами, нежели человѣкъ. Если, несмотря на то, не замѣчается никакого превращенія низшихъ организмовъ въ высшіе, въ силу кипящей всюду борьбы за существованіе, то, значитъ, ничего подобнаго нѣтъ. Вся эта теорія построена не на фактическихъ, а на чисто-логическихъ основаніяхъ; но и логика тутъ плохая. Говорятъ, что перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе всегда имѣетъ организмъ наиболѣе къ ней приспособленный, а такъ какъ организмы измѣнчивы и свойства предковъ передаются потомкамъ, то случайно появившіеся признаки, полезные организму, упрочиваются наслѣдственностью и такимъ образомъ служатъ источникомъ все высшаго и высшаго развитія. Это выражается краткою формулой, что остается въ живыхъ организмъ, наиболѣе приспособленный къ жизненнымъ условіямъ; остальные погибаютъ. Но почему же однако наиболѣе приспособленными къ разнообразнымъ и измѣнчивымъ условіямъ жизни мы должны считать именно совершеннѣйшіе, т.-е. самые сложные организмы? Казалось бы, напротивъ, что высшіе организмы требуютъ

и высшихъ условій, тогда какъ низшіе довольствуются меньшимъ и выдерживаютъ больше; поэтому они сохраняются тамъ, гдѣ высшіе погибаютъ. Къ этому присоединяется то, что чѣмъ выше организмъ, тѣмъ менѣе онъ размножается, тогда какъ размноженіе низшихъ не знаетъ предѣловъ; при борьбѣ, переходящей отъ поколѣнія къ поколѣнію, количество, въ концѣ концовъ, неизбѣжно будетъ имѣть перевѣсъ надъ качествомъ. Ничтожныя бактеріи могутъ истребить многія тысячи самыхъ совершенныхъ организмовъ. Если послѣдніе, несмотря на то, сохраняются, если мы въ рядѣ органическихъ существъ замѣчаемъ переходъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ, то это показываетъ, что тутъ дѣйствуютъ иныя начала, способствующія сохраненію и развитію организмовъ, несмотря на борьбу за существованіе. Самъ Дарвинъ сознается, что при нынѣшнемъ состояніи науки непонятно, въ силу чего низшіе организмы могутъ восходить на высшую ступень; но этимъ самымъ опровергается вся его теорія *).

Еще менѣе эта теорія примѣнима къ общественной жизни. Что борьба составляетъ одно изъ обычныхъ въ ней явленій, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался; это — фактъ для всѣхъ очевидный. Несомнѣнно и то, что человѣческое развитіе происходитъ путемъ борьбы; вся исторія ею наполнена. Но задача человѣческихъ обществъ состоитъ именно въ томъ, чтобы умѣрить эту борьбу и привести враждующія силы къ соглашенію. Государство установлено за тѣмъ, чтобы люди не истребляли другъ друга въ борьбѣ за существованіе. Обширная отрасль общественной дѣятельности, благотворительность, имѣетъ цѣлью поддержать слабѣйшихъ въ этой борьбѣ и не дать имъ погибнуть. Даже въ международныхъ отношеніяхъ, гдѣ нѣтъ высшей власти, господствующей надъ борющимися сторонами, происходятъ переговоры, сдѣлки, союзы, нерѣдко устраняющіе борьбу

*) Болѣе подробный разборъ теоріи Дарвина см. въ моемъ сочиненіи: *Положительная философія и единство науки*, особенно въ приложеніи: *Опытъ классификаціи животныхъ*.

и не дающіе праву силы разыграться на просторѣ. Обо всемъ этомъ въ животномъ царствѣ нѣтъ и помину. Поэтому приложеніе къ человѣческимъ обществамъ начала борьбы за существованіе есть ничто иное какъ перенесеніе плохой гипотезы изъ области біологіи въ такую среду, гдѣ господствуютъ совершенно иные элементы и стремленія. Въ исторіи человѣчества существенное значеніе имѣетъ не процессъ борьбы, а тѣ начала, которыя въ ней проявляются и которыя часто не имѣютъ ничего общаго съ матеріальнымъ существованіемъ.

Многіе соціологи сами это сознаютъ, а потому хотятъ основать свою науку не на біологіи, а на психологіи, частью личной, а еще болѣе коллективной, изслѣдующей явленія массъ. Эта область, безспорно, гораздо ближе къ общественнымъ явленіямъ, нежели біологія. Психологія могла бы дать драгоцѣнный матеріалъ наукѣ объ обществѣ, еслибы она сама стояла на прочныхъ основаніяхъ; но именно этого нѣтъ. Современная психологія, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, отреклась отъ метафизики, а какъ скоро мы стали на эту точку зрѣнія, такъ нѣтъ ни малѣйшей возможности понять что-нибудь въ душѣ человѣка, которая имѣетъ по преимуществу метафизическую природу и полна метафизическихъ представленій. Самое понятіе о душѣ и связанное съ нимъ понятіе о субъектѣ, о человѣческомъ я, понятіе, краеугольное для права, для нравственности и для всѣхъ общественныхъ наукъ, отвергается какъ продуктъ устарѣлой метафизики. Для эмпирической психологіи, нынѣ господствующей, субъектъ вовсе не существуетъ, а есть только рядъ явленій, или ощущаемыхъ нами состояній, связанныхъ общимъ закономъ, опредѣляющимъ ихъ послѣдовательность. Но при такомъ взглядѣ все для насъ дѣлается совершенно непонятнымъ. Милль, пришедши, путемъ анализа, къ этому заключенію, самъ приходитъ въ недоумѣніе: какимъ образомъ рядъ состояній можетъ помнить себя, какъ прошлое, и предвидѣть себя, какъ будущее? Еще менѣе, очевидно, можно ряду состояній приписать какія-нибудь

права или предъявлять къ нему какія-нибудь нравственныя требованія. Если въ теоретической области мы можемъ успокоиться на томъ, что это—тайна природы, вѣчно намъ недоступная, то въ практической сферѣ мы не въ правѣ изъ этой тайны дѣлать какіе бы то ни было выводы, да еще вдобавокъ обязательные для другихъ. Пока психологія не знаетъ даже, существуетъ ли субъектъ или нѣтъ, она не въ состояніи дать никакихъ началъ для общественныхъ наукъ.

Еще менѣе можетъ соціологія почерпать изъ коллективной психологіи. Личная психологія имѣетъ, по крайней мѣрѣ, значительное количество собраннаго матеріала, а тутъ и этого нѣтъ. Сами соціологи признаются, что, „къ сожалѣнію, коллективная психологія едва только зарождается“ *). Нужно очень много смѣлости, чтобы строить совершенно новую науку на едва зарождающейся другой наукѣ. Но отвага соціологовъ не знаетъ предѣловъ. Тамъ, гдѣ отсутствуютъ научныя требованія, полагающія границы блужданію фантазіи, тамъ послѣдняя можетъ разыграться на просторѣ. Можно себѣ представить, что изъ этого выходитъ. Раціональныя начала, подъ именемъ метафизики, выкинуты за бортъ, а фактическій матеріалъ не собранъ. Остается выдернуть наобумъ какое-нибудь явленіе и постараться свести къ нему всѣ остальныя. Это и дѣлаютъ современные соціологи. Но такъ какъ явленій много и они весьма разнообразны, а основаній для выбора нѣтъ никакихъ, и каждый дѣлаетъ это по своему личному, случайному внушенію, то и выходитъ полнѣйшая разноголосица. Одинъ видитъ основной общественный факторъ въ договорѣ; другой, напротивъ, въ принудительномъ дѣйствіи внѣшнихъ силъ; третій ищетъ основного общественнаго мотива въ подражаніи, четвертый—въ экономическихъ отношеніяхъ. Пятый, новѣйшій, отвергаетъ всѣ эти объясненія, какъ негодныя, и признаетъ необходимость отправляться „отъ но-

*) Карѣевъ: „Введеніе въ изученіе соціологіи“, стр. 105.

ваго даннаго, которое доселѣ безуспѣшно искали, но которое не можетъ долѣе оставаться незамѣченнымъ". Онъ утверждаетъ, что „соціологія должна отнынѣ идти по правильному пути, по той же причинѣ, какъ Г. Спенсеръ говоритъ, что человѣчество въ концѣ концовъ идетъ правильно, потому что оно испробовало всѣ возможные способы идти ложнымъ путемъ" *). Это новое, доселѣ незамѣченное никѣмъ начало есть *сознаніе рода* (the consciousness of kind) то-есть, „состояніе сознанія, въ которомъ какое-нибудь существо признаетъ другое сознающее существо, какъ одного рода съ собою". Но когда мы хотимъ выяснить себѣ, что такое это сознаніе рода, мы остаемся въ полномъ недоумѣніи. Признается, что это — основной соціальный факторъ, „совпадающій съ возможнымъ обществомъ"; но при этомъ онъ не только отличается отъ чисто экономическихъ, политическихъ и религіозныхъ мотивовъ, но и постоянно приходитъ съ ними въ столкновеніе (стр. 18). Однако это и не сознаніе племеннаго сродства или народнаго единства, какъ можно было бы думать; сознаніе рода выражается „въ классовыхъ инстинктахъ и предразсудкахъ", которые связываютъ политическія партіи гораздо сильнѣе, нежели мнѣнія или интересы. Не по убѣжденію, а въ силу „сознанія рода" монархистъ чувствуетъ себя ближе къ монархисту, нежели къ республиканцу (стр. 180, 183). Съ другой стороны, „сознаніе рода всегда присуще, чтобы соединить тѣхъ, которыхъ убѣжденія разнятся, и раздѣлить тѣхъ, которыхъ убѣжденія согласны" (стр. 199). Въ явленіяхъ тотемизма (т.-е. поклоненія символическимъ животнымъ у дикихъ народовъ), сознаніе рода связываетъ человѣка не только съ совершенно чуждыми ему людьми, но даже съ существами животнаго и растительнаго царства, гораздо тѣснѣе, нежели съ ближайшими друзьями (стр. 252). Спрашивается: что же, наконецъ, такое это новое, доселѣ незамѣченное начало, въ силу котораго соціологія должна въ концѣ концовъ идти правильнымъ путемъ? Послѣднее слово соціологіи погружаетъ насъ въ непроницаемый мракъ.

*) Giddings: Pr. of Soc., стр. 17.

За недостаткомъ собственныхъ началъ, соціологи не гнушаются и продуктами метафизики. Тѣ самые, которые отвергаютъ послѣднюю, какъ устарѣвшій хламъ, тѣмъ не менѣе возвеличиваютъ вытекшее изъ философіи XVIII вѣка *Объявленіе правъ человѣка и гражданина*, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній человѣчества: „въ признаніи правъ человѣка и гражданина,—говорятъ они,—эта философія была безусловно права" *). Какимъ образомъ можно считать метафизику чистою фантазіей, а ея произведенія признавать безусловною истиной, это остается тайной для человѣка, привыкшаго связывать свои мысли. Но соціологи какъ-то умѣютъ съ этимъ справляться.

Нѣкоторые изъ нихъ строятъ даже цѣлыя метафизическія системы, далеко оставляющія за собою воздушные замки старыхъ метафизиковъ. Такъ, напримѣръ, Фулье утверждаетъ, что соціальная идея должна быть распространена на весь міръ, который „долженъ представляться въ психическихъ терминахъ и соціологическихъ отношеніяхъ"... „Недостаточно признать, что организмы суть общества, такъ же какъ и, наоборотъ, общества суть организмы... надобно сказать, что самое бытіе есть общественное и что вселенная есть безконечное общество, котораго существенный законъ состоитъ во взаимности дѣйствія и хотѣнія, то-есть въ солидарности, первой степени любви". Не признавая такъ называемыхъ конечныхъ причинъ, можно „вѣрить за разъ во всеобщій механизмъ и во всеобщую чувствительность, какъ результатъ всемірнаго влеченія" (l'appétition universelle). Такимъ образомъ „механическій эволюціонизмъ Спенсера будетъ служить простымъ переходомъ между позитивистскимъ агностицизмомъ Конта и психо-соціологическимъ монизмомъ будущаго, который пойметъ міръ, какъ обширное общество элементовъ, заключающихъ въ себѣ

*) Карѣевъ: „Введеніе въ изученіе соціологіи", стр. 269.

чувствительность и волю въ болѣе или менѣе скрытомъ состояніи" *). Трудно идти далѣе этого въ фантастическихъ построеніяхъ; но позволительно ли выдавать это за науку?

Другой новѣйшій нѣмецкій соціологъ, Раценгоферъ, отправляется, напротивъ, отъ первичной, единой силы, которая, такъ же какъ у Спенсера, дифференцируется въ процессѣ мірозданія, но вмѣстѣ стремится къ совершенствованію. Дифференціація ведетъ къ созданію единичныхъ вещей и существъ, которыя являются эманаціями этой первобытной силы; съ каждой изъ нихъ связывается извѣстный интересъ. Отсюда раскрытая Дарвиномъ борьба за существованіе и истребленіе однихъ существъ другими. Но присущее имъ стремленіе къ совершенствованію, исходящее отъ первичной силы и передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію черезъ зачаточную плазму, по теоріи Вейсмана, ведетъ къ тому, что надъ личнымъ интересомъ возвышается соціальный и, наконецъ, трансцендентальный. Таково соціологическое познаніе міра, которое должно быть плодомъ положительной науки, откидывающей всякія фантазіи. Авторъ сознается однако, что положительная наука не въ состояніи доказать существованіе этой первичной силы и ея дѣйствія въ мірѣ. Здѣсь наука должна восполняться *вѣрою* **). Съ помощью безотчетной вѣры, взятой неизвѣстно откуда, можно, конечно, сочинить все, что угодно. Воображенію предоставляется самое широкое поле, но для науки тутъ не остается мѣста, а о положительномъ знаніи нѣтъ и помину.

Послѣ всего этого можно, кажется, повторить то, что я сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разбирая ученіе Конта: „существуютъ и существовали отдѣльныя науки, касающіяся различныхъ сторонъ духовнаго естества человѣка: филологія, право, политическая экономія, политика, эстетика, исторія философіи, исторія религій, наконецъ

*) La mouvement positiviste et la conception sociologique du monde. Введ., стр. 10, 13.

**) Ratzenhofer: die Sociologische Erkenntniss 1898.

прагматическая исторія, но соціологія, какъ наука, не существуетъ. Есть только пустые толки о соціологіи". А потому, въ педагогическомъ отношеніи, нѣтъ ничего вреднѣе, какъ направлять юношество на изученіе этого призрака науки. Черезъ это молодые умы отучаются отъ строго научныхъ требованій и привыкаютъ смѣшивать науку со всякаго рода фантазіями и съ легковѣсною журнальною болтовней. Этимъ отсутствіемъ научнаго пониманія объясняется столь значительное распространеніе у насъ экономическаго матеріализма, который есть ничто иное, какъ бредъ празднаго воображенія, не связаннаго никакими научными данными.

Единственное значеніе всѣхъ этихъ попытокъ заключается въ томъ, что онѣ указываютъ на потребность выяснить себѣ основы общежитія. Но путь, которымъ идутъ современные изслѣдователи, не въ состояніи привести ни къ чему, кромѣ пустыхъ разглагольствованій. Какъ скоро отвергается метафизика, т.-е. тѣ раціональныя начала, которыя всегда служили и служатъ руководителями человѣка, какъ въ теоретическомъ познаніи, такъ и въ практической дѣятельности, такъ исчезаетъ всякая возможность пониманія общественныхъ явленій. Въ этой области метафизика не есть только способъ пониманія; она сама становится явленіемъ, а потому требуетъ изученія. Обойти ее нѣтъ возможности; выкинуть ее изъ науки объ обществѣ значитъ представить самыя явленія въ превратномъ видѣ, отнять у нихъ существенное ихъ значеніе и дать имъ совершенно ложную окраску. Познаніе общественныхъ явленій возможно только при свѣтѣ выражающихся въ нихъ раціональныхъ началъ, а съ другой стороны, самыя эти явленія служатъ провѣркою началъ, ибо здѣсь послѣднія изъ теоретической области нисходятъ въ практическую сферу и сталкиваются съ жизненными условіями и интересами. Здѣсь оказывается, насколько они приложимы на практикѣ. Поэтому, фактическое изученіе различныхъ сторонъ общественной жизни въ различныхъ отрасляхъ науки служитъ необходимымъ

восполненіемъ и провѣркой философской мысли. Но и это изученіе должно быть строго научное. Тутъ нельзя довольствоваться случайно выхваченными фактами, подъ которые насильственно подводятся всѣ представляющіяся намъ явленія: изслѣдованіе должно быть полное и всестороннее, безъ всякой предвзятой мысли, безъ ложной окраски, въ особенности же безъ предварительнаго отрицанія именно того, что наиболѣе существенно. Поэтому оно должно исходить отъ отдѣльныхъ наукъ, которыхъ задача состоитъ именно въ изученіи явленій; соціологія же, какъ отвлеченная наука, изслѣдующая основныя начала общежитія, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ философіей общественной жизни, т.-е. наукой, по существу своему опирающейся на метафизику. Именно этому соотвѣтствовала старая философія права, ибо правомъ опредѣляются строеніе общества и отношенія цѣлаго и членовъ.

Ясно, слѣдовательно, что мы должны возстановить порванную нить преданія и возвратиться къ легкомысленно отвергнутымъ началамъ. Только этимъ путемъ возможно удовлетворить насущной потребности и прійти къ правильному пониманію человѣческаго общежитія.

Какимъ же однако способомъ можемъ мы исполнить эту задачу? Какъ разобраться въ массѣ разнорѣчивыхъ мнѣній, на которыя распадалась старая метафизика и которыя въ значительной степени содѣйствовали ея паденію? Какимъ образомъ, не имѣя путеводной нити, можемъ мы отдѣлить въ нихъ истинное отъ ложнаго и тѣмъ самымъ утвердить возрожденную науку философіи права на прочныхъ основаніяхъ?

Путеводною нитью можетъ служить намъ самое движеніе философской мысли въ ея отношеніяхъ къ общественной жизни. Оно раскрываетъ намъ общій законъ развитія, въ которомъ каждое отдѣльное направленіе получаетъ подобающее ему мѣсто и значеніе. Всякая односторонность обличается, и все окончательно сводится къ высшему единству, обнимающему совокупность общественныхъ элементовъ въ ихъ полнотѣ.

Въ исторіи философіи права новаго времени мы можемъ отмѣтить четыре главныя школы, представляющія послѣдовательное развитіе общественной мысли, въ связи съ самымъ ходомъ жизни: школу общежительную, нравственную, индивидуальную и идеальную *). Первоначально мысль исходитъ отъ того положенія, что человѣкъ есть существо общежительное, и выводитъ послѣдствія, необходимо вытекающія изъ этихъ отношеній. Но такъ какъ здѣсь, по самому существу дѣла, оказываются два противоположные другъ другу элемента: отдѣльныя лица и связующее ихъ начало, то исходящія изъ одного корня направленія мысли естественно разбиваются на двѣ противоположныя точки зрѣнія: одна беретъ за основаніе личность и вытекающія изъ нея права, другая—отвлеченно нравственнное начало, которому подчиняется самое право. Изъ первой возникла индивидуальная школа, изъ второй—нравственная. Наконецъ, эти противоположныя направленія сводятся къ высшему единству идеальною школой, которая представляетъ такимъ образомъ высшее развитіе философской мысли. Къ ней, поэтому, должна примыкать возрождающаяся потребность философскаго пониманія. Въ особенности зачинатель и завершитель этого направленія, Кантъ и Гегель, i maestri di color che sanno **), по выраженію Кэрда, заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія со стороны юриста-философа. Кантъ, въ своемъ глубокомъ анализѣ человѣческихъ способностей, умѣлъ сочетать индивидуалистическія начала французскихъ философовъ XVIII вѣка съ нравственными требованіями школы Лейбница. Гегель восполнилъ эту все еще чисто индивидуалистическую точку зрѣнія развитіемъ объективныхъ началъ нравственнаго міра, осуществляющихся въ человѣческихъ союзахъ. Черезъ это все умственное зданіе человѣческаго общежитія получило такую цѣльность и стройность, какія оно никогда не имѣло ни прежде, ни послѣ. И эта логическая связь не была куплена цѣною

*) Смотри мою «Исторію политическихъ ученій» ч. II—IV: Новое Время.

**) «Учители тѣхъ, которые знаютъ» (изъ Данта).

насилованія фактовъ; напротивъ, чѣмъ болѣе юристъ, изучающій свою спеціальность, знакомится съ фактами, тѣмъ болѣе онъ убѣждается въ вѣрности и глубинѣ опредѣленій Гегеля. Ни одно, можетъ быть, изъ сочиненій великаго германскаго мыслителя не находитъ такого подтвержденія въ явленіяхъ дѣйствительнаго міра и не можетъ служить такимъ надежнымъ руководствомъ въ пониманіи фактовъ, какъ именно его философія права. Въ подкрѣпленіе этой оцѣнки, приведу сужденіе одного изъ самыхъ основательныхъ, трезвыхъ и многообъемлющихъ нѣмецкихъ юристовъ нынѣшняго столѣтія, человѣка притомъ совершенно чуждаго философіи, но глубокаго знатока положительнаго права — Роберта Моля. Въ своемъ капитальномъ сочиненіи *Исторія и литература государственныхъ наукъ*, онъ говоритъ: „какъ великанъ выдвигается Гегель среды этой жалкой посредственности. Даже тотъ, кто не принадлежитъ къ его школѣ и не согласенъ ни съ методою, ни съ частностями предлежащаго сочиненія, долженъ признать, что тутъ является высокая духовная сила, геніальная самобытность, господствующій кругозоръ и богатство матеріала. Преимущества и недостатки равно носятъ печать величія... Конечно, Гегель самъ не представилъ полной системы государственныхъ наукъ, но онъ указалъ единственный вѣрный путь, который къ этому ведетъ. Что до сихъ поръ такъ мало слѣдовали по этому пути,—заключаетъ Моль,—дѣйствительно не похвально, даже едва понятно“ *).

Въ другомъ мѣстѣ я подробно изложилъ содержаніе философіи права Гегеля и указалъ, какъ на ея преимущества, такъ и на ея недостатки, вызывающіе необходимость провѣрки и восполненія **). Провѣркою можетъ служить, съ одной стороны, исторія философіи права, раскрывающая законъ развитія мысли, съ другой стороны изученіе фактовъ, указывающее на ея приложеніе. Только въ силу этой провѣрки философія права можетъ сдѣлаться прочно установленною наукою, опирающеюся на непоколебимыя основы умозрѣнія и опыта. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе такой провѣрки, воздвигнутое Гегелемъ зданіе должно видоизмѣниться въ нѣкоторыхъ частяхъ; но существенное въ немъ останется. Положенныхъ имъ основаній не могли поколебать ни послѣдующія критики, ни теоріи позднѣйшихъ философовъ. Главный оппонентъ Гегеля, Тренделенбургъ, былъ зачинателемъ того лжеорганическаго воззрѣнія на міръ и на человѣческія общества, которое въ положительной школѣ достигло такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Другой противникъ, Шталь, построилъ систему, представляющую возвращеніе къ теократическимъ началамъ и лишенную всякихъ научныхъ основаній. Наконецъ, Іерингъ, который совершенно даже игнорируетъ Гегеля, довершилъ разложеніе правосознанія въ современной германской наукѣ и практикѣ. Умозрѣніе было отвергнуто, и право низведено на степень интереса.

*) Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, I, стр. 151.

**) Исторія политич. ученій. IV, стр. 573 и слѣд.

Если мы хотимъ изъ этого разложенія выдти снова въ свѣтлую область мысли и знанія, если мы хотимъ возстановить порванное преданіе, то мы должны примкнуть именно къ Гегелю, который представляетъ послѣднее слово идеалистической философіи. Наука тогда только идетъ твердымъ шагомъ и вѣрнымъ путемъ, когда она не начинаетъ всякій разъ сызнова, а примыкаетъ къ работамъ предшествующихъ поколѣній, исправляя недостатки, устраняя то, что оказалось ложнымъ, восполняя пробѣлы, но сохраняя здоровое зерно, которое выдержало провѣрку логики и опыта. Именно это я и старался сдѣлать въ предлагаемомъ сочиненіи; оно представляетъ попытку возстановить забытую науку, которой упадокъ роковымъ образомъ отразился на умахъ современниковъ и привелъ къ полному затменію высшихъ началъ, управляющихъ человѣческою жизнью и служащихъ основою человѣческихъ обществъ. Важность цѣли да послужитъ оправданіемъ недостатковъ изложенія. Считаю, во всякомъ случаѣ, необходимымъ указать тотъ путь, который я признаю единственнымъ вѣрнымъ.

Б. Чичеринъ.